

Присядем у берега перед дорогой...

Вот он, — думал я, — вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами в Европе и в Азии.

В Америке и в Африке... Вот он!.. Ах, друзья мои!.. Ни к какому городу не приближался я с такими живыми чувствами, с таким любопытством, с таким нетерпением!

Н. Карамзин

Отель-де-Виль, то бишь мэрия, на бывшей Гревской площади, или Откуда все пошло и куда пришло

С чего же нам начать прогулку по правому берегу Парижа?

Конечно же с площади Отель-де-Виль, площади парижской мэрии (мэрия и будет по-французски *Hôtel de Ville*, в буквальном переводе — Дворец города)! И вовсе не из почтения к городским властям и их главному учреждению мы решили начать отсюда. В конце концов, подумаешь, учреждение!.. Чиновники, они и есть чиновники, одни — энтузиасты и труженики, другие — лодыри и казнокрады: как везде, берут взятки (по-французски — *rol-de-vin*, то есть кувшин вина, а по-нашему — поллитра), как везде, делают приписки, как везде, не обходятся без семейственности. Однако ведь и за порядком в городе следят, и дороги чинят, и электричество с водой подают, и библиотеки держат, да и все прочее в норме, разве что вот с собачьим дерьмом на тротуарах никак справиться не могут, несмотря на грозные указы и мил-

лионные затраты, не поддаются воспитанию ни собаки, ни парижане...

А почему же все-таки с мэрии? Да потому, что место уж больно красивое. Великолепное, праздничное здание, площадь с фонтанами близ Сены и — воспоминания, воспоминания, воспоминания... Историческое место. Отсюда многое пошло — и городское самоуправление, и вообще французская демократия, и городские праздники, и бунты, и перевороты, и освободительные восстания, и забастовки (даже самое имя им дала эта самая площадь — grève), и жестокие (и пожалуй, что тщетные) усилия правосудия держать своих сограждан в строгой узде, и роскошные пиры (разумеется, за счет горожан-налогоплательщиков), и герб города Парижа... В общем, всего не перечислишь, но кое о чем надо вспомнить именно здесь, отдыхая на скамеечке под плеск фонтанов и глядя на украшенный статуями фасад мэрии.

Кстати, в этом уголке Парижа и почище нашего ценители прекрасного получали эстетическое удовольствие. Скажем, поэт Александр Блок сидел за столиком в кафе в конце улицы Риволи, любовался мэрией, писал письма матери и небось переносился мыслями в стародавние парижские времена. Мы тоже перенесемся.

До XII века был тут просто берег Сены, поросший камышом, — тишь, глушь, крупнозернистый песок и гравий («песчаный берег» по-французски будет «грев» — grève). В 1141 году торговцы водой (очень влиятельная в те времена купеческая корпорация) решили устроить на этом участке Сены новый порт, благо течение тут тихое, чтобы хоть немного разгрузить порт Сен-Лондри, что располагался на тесном острове Сите. Гревский порт очень скоро приобрел популярность — разгружали тут и зерно, и сено, и лес, и вино, — и стал он одним из главных портов столицы. Мало-помалу местные торговцы водой настолько укрепили свое экономическое положение, что перенесли собственную, весьма влиятельную выборную администрацию с левого берега (из монастыря Сент-Женевьев) на правый (эта часть берега вдобавок оказа-

лась незатопляемой паводками), а их герб с корабликом стал со временем гербом всего Парижа. («Похож на наш, тоже кораблик», — отмечают приезжие петербуржцы.) В 1357 году купеческие советники (эшевены) во главе со своим знаменитым старостой (прево) Этьеном Марселем купили стоявший на этом месте дом с аркадами («Дом на сваях».) На протяжении многих столетий это средневековое готическое здание достраивалось, перестраивалось, украшалось (здесь были великолепные интерьеры, висели картины Энгра и Делакруа), и даже безжалостная французская революция пощадила эту колыбель купеческой демократии. Революция, но не Парижская коммуна... В 1871 году здание сгорело со многими своими сокровищами. Кое-какие уцелевшие шедевры (вроде статуи X века Карла Великого и барельефа Лемера) попали в музей Карнавале, в парки Трокадеро, Монсо, в сквер Поля Ланжевена (правда, в мае 1968 года участники студенческой заварухи снесли некоторым из многострадальных статуй головы, пытаясь, вероятно, доказать, что у них не какая-нибудь там банальная молодежная потасовка, а «самая настоящая революция»)... Уже через три года после усмирения Коммуны здание было вновь отстроено, и ныне оно предстает во всем своем великолепии — со множеством скульптурных фигур на фасаде: кариатид и статуй — аллегорий тридцати городов Франции, а также с изображениями более сотни знаменитых парижан и парижанок. А уж внутри здания чего только нет — и картины, и статуи, и росписи Пюви де Шаванна, и зеркала, и позолота, и старинная мебель, и роскошь бесчисленных салонов... В одном из них — как не похвастать? — мэр города Парижа вручил моей доченьке за отличное окончание коллежа, то есть неполной средней школы, какую-то книжку с картинками (надеюсь, оплаченную из моих налоговых отчислений). Это, впрочем, было лишь одним из знаменательных событий, имевших место в стенах нового здания мэрии (нередко с участием вездесущих русских — куда от них деться в Париже?). В 1893 году здесь принимали русского адми-

рала Авеллана и офицеров его эскадры, был дан грандиозный обед в ознаменование русско-французской дружбы (репродукцию со старинной акварели, отразившей эту встречу, до сих пор можно видеть на станции метро «Отель-де-Виль» — не проходите мимо!). В мэрии принимали императора Николая II и императрицу Александру Федоровну, а еще позднее, с 1960 по 1989 год, по очереди кормили обедами Хрущева, Брежнева, Косыгина и Горбачева (последнего — дважды)...

В 1871 году революционер Петр Лавров участвовал в провозглашении Парижской коммуны (тут-то мэрию и сожгли). Именно в мэрии арестовали Робеспьера, а Ламартин столкнулся с бунтовщиками. Здесь чествовали Людовика XVIII, Наполеон отпраздновал свадьбу с Марией-Луизой. Здесь принимали английскую королеву Викторию... В 1944-м в штурме мэрии принимал участие юный русский герой Толя Болгов (вскоре погибший). Здесь размещался штаб Сопротивления...

С 1310 до 1830 года (больше пяти столетий) эта (тогда еще Гревская) площадь служила местом казней. Виселицы стояли на ней постоянно, но преступников не обязательно вешали. Иным отрубали голову, иных четвертовали, иных (по подозрению в колдовстве) сжигали живьем. Здесь казнили, к примеру, грозу Парижа разбойника Картуша, убийцу короля Генриха IV Равайяка, известную отравительницу маркизу де Бренвильер. Казнь этой страшной женщины, отравившей отца и двух братьев (в целях увеличения своей доли наследства), была с ужасом и отвращением описана в письме блистательной писательницы маркизы де Севинье от 17 июля 1676 года. До революции здесь шумно отмечали многие праздники, в том числе день Иоанна Крестителя, и, бывало, сам король возжигал праздничный костер. Революция обогатила площадь новинкой революционного быта — гильотиной. Так что позднее, в 1812 году, на этой площади культурно отрубили голову одному из чинов французской военной администрации, который снимал копии с конфиденциальных военных отчетов, предназначенных

для Наполеона, и продавал их в русское посольство — полковнику Чернышеву. Нравы тогда были дикие, и даже сообщника казненного чиновника выставили в кандалах у позорного столба. Надо сказать, что в наше время нравы заметно смягчились. Не так давно молодой французский инженер-атомщик Франсис Тампервиль передал двум разведчикам из советского посольства 100 сверхсекретных документов (в общей сложности около 6000 листов), но его не только не казнили, но даже и не слишком клеймили позором. Газеты очень трогательно писали, что он хотел открыть на вырученные деньги частную школу и, может, открыл бы, если б его не выдал советский злодей-перебежчик из КГБ. Тампервилю пришлось промаяться в тюремной камере весь период следствия, и газеты сообщали, что он плодотворно работал там над диссертацией и даже цветной телевизор не мог отвлечь его от работы. Вскоре по окончании следствия он был отпущен на волю и ныне, вероятно, уже пошел на повышение... Вот такой оптимистической историей я и хотел закончить рассказ у фонтана перед парижской мэрией, но вдруг вспомнил незначительный, а все же противный эпизод... Как-то я так же вот нежился на скамейке и думал, что надо бы заглянуть на почту, которая размещалась тогда в подвале этого здания — очень удобно для туристов, не успевших отослать открытки с сообщением, что они уже в прекрасном Париже. Браня себя за леность, я наконец оторвался от скамейки, и тут раздался взрыв в помещении почты. Уцелевшие от взрыва туристы и почтовые барышни рассказали потом, что они заметили арабскую девушку, которая бросила какой-то пакетик в мусорную урну на почте и поспешила прочь. Полицейские эксперты (которые, как всегда, никого не поймали) высказали предположение, что это была, скорей всего, «боевичка» из Ирана, Ирака или Палестины. Почту после этого закрыли напрочь, так что вы можете спокойно отдыхать у мэрии, набираясь сил для долгой прогулки по правому берегу. И если моя последняя история показалась вам поучительной, никуда не спешите.

Башня Сен-Жак

Прежде чем двинуться по правому берегу в глубь старинного квартала Марэ, отклонимся на сотню метров к западу по авеню, носящей имя английской королевы Виктории, чтобы осмотреть странное и весьма знаменитое сооружение в соседнем сквере. Замечено, что, переходя по мосту с острова Сите на правый берег Сены или глядя вниз от Сорбонны вдоль длинной улицы Сен-Жак, приезжие неизменно обращают внимание на эту странную башню и спрашивают:

— А там у вас что такое?

— Это башня Сен-Жак, — отвечает парижанин.

— Но почему вдруг башня? Там ведь ни крепостной стены, ни замка, ни церкви... А может, это просто памятник? Тогда чему памятник?

На такие вопросы в двух словах не ответишь. Потому что за этой башней целая история — Франции и Парижа. История былого благочестия, былых заблуждений, былых страстей. История французского искусства, науки и музыки, история варварства революционной толпы и история поэзии... Всему этому, вероятно, и памятник... Да еще какой памятник!

Вот она стоит посреди Парижа, эта позднеготическая башня начала XVI века, стоит одиноко и словно бы неуместно, потому что у самых дерзких варваров и самых неуважительных революционеров и преобразователей не поднимается на нее больше рука. Сама жестокая революция чудом ее пощадила. Даже дерзкие поэты-разрушители, сюрреалисты, на заданный им вопрос, разрушить ли эту башню, перенести ли ее или перестроить, отвечали (уже в варварском, красно-коричневом 1933 году) весьма неуверенно и весьма умеренно, я бы даже сказал, робко.

«Перенести на площадь Согласия на место Обелиска», — ответил поэт Морис Анри.

«Поставить ее в центре Парижа, а вокруг охрану», — сказал Бенжамен Пере.

«Склонить ее слегка», — предложил поэт Элюар, который и сам всегда готов был склониться — перед жен-

щиной, перед партией, перед противником, а главное — перед силой.

«Разломать все дома вокруг нее», — сказал Жорж Ванстайн.

А вождь сюрреалистов Андре Бретон пошел дальше всех:

«Сохранить ее как есть, но разломать окружающий квартал и запретить приближаться к ней под страхом смерти на протяжении ста лет».

Вот так вполне почтительно высказались о башне Сен-Жак непочтительные сюрреалисты в своем журнале «Сюрреализм на службе революции».

А ведь она не всегда пребывала в таком странном одиночестве, эта башня. Она служила колокольной огромной, занимавшей чуть не весь нынешний сквер старинной парижской церкви Святого Иакова в Мясницкой, церкви Сен-Жак-де-ла-Бушери. Место это на скрещении главных дорог — с юга на север и с запада на восток да еще и на берегу Сены — испокон веку не пустовало. Стояла здесь еще в Средние века часовня Святой Анны, а в начале XVI века при короле Франциске I была построена почтенная церковь Сен-Жак в слободе мясников, кожевников, дубильщиков кожи, щедро пожертвовавших на ее постройку. Впрочем, как уточняют историки, большая часть денег, пущенных на строительство церкви, была конфискована у евреев. А что посвятили церковь святому Иакову, это неудивительно: именно тут и шла дорога на юг, приводившая в конце долгого путешествия к знаменитой испанской святыне Сантьяго-де-Компостела, по-французски — Сен-Жак-де-Компостель.

Жертвовали на церковь в надежде обрести в ней или возле нее место последнего упокоения не только мясники и прочие богатые буржуа квартала, но также и обитавшие рядышком писари. Их крошечные будки лепились к стенам храма со стороны нынешней рю Риволи, которую в ту пору так и называли — улицей Писарей или, может, улицей Писцов — в общем, рю дез Экривен. Писцы учили в своих будках грамоте и составляли для клиентов бумаги. Среди этих просвещенных и богобояз-

ненных грамотеев славен был своей праведностью и зажиточностью некий Никола Фламель, чья судьба сложилась весьма странно.

Жил он, подобно прочим, в крошечной будке, которой, по словам старинного автора, сам Диоген бы не позавидовал, и вот однажды во сне ему явился ангел и показал огромный золоченый манускрипт, украшенный загадочными рисунками и знаками, смысл которых был писцу неясен. А через несколько месяцев какой-то незнакомец принес в лавчонку Фламелья огромный раззолоченный манускрипт, который тот сразу узнал и купил. Раскрыв его, он с трепетом увидел название — «Книга Авраама, иудея, князя, священнослужителя, левита, астролога и философа, обращенная к народу иудеев, гневом Божиим рассеянному среди галлов». Рукопись оказалась собранием рецептов по алхимии. С той поры просвещенный Фламель стал искать философский камень и формулу, которые позволили бы ему превращать любой презренный металл в благородное золото. Он даже ходил под видом паломника в Испанию, чтобы повстречаться там с просвещенными иудеями в надежде, что те помогут ему понять смысл загадочных иероглифов из Книги Авраамовой. В конце концов он, говорят, раскрыл все тайны, и нашел камень, и всего достиг, но только вот, жалко, нам ничего не сообщил — помер и был похоронен в здешней церкви, и подпись на его надгробном камне цела и поныне. Он даже труд оставил после себя — «Книгу иероглифических рисунков Парижа», однако из этого труда тоже невозможно понять, как получить из любого металла золото, которого людям вечно так не хватает. Что же до его дома, который потомки, конечно, весь обшарили, то там золота не нашлось ни крупицы. В общем, хотите — верьте, хотите — нет...

В середине XVII века церковь неоднократно посещал знаменитый математик Блез Паскаль. Рассказывают, что он взбирался на самый верх башни Сен-Жак, чтобы проверить свои открытия о пустоте и земном притяжении. В ту пору ученый работал над созданием гидравлического пресса, и труд этот вконец истощил его здоровье,

но на вершине башни получил он божественное откровение, после чего удалился в Пор-Руайяль, где предался благочестивым размышлениям. Так что, может, именно на вершине этой башни открылось великому Паскалю, что хрупкий и ничтожный, подобный тростнику, человек тем и отличен от других растений, что он тростник мыслящий.

В начале XVIII века в церкви Сен-Жак играл один из самых блистательных представителей музыкальной династии Куперенов — композитор Франсуа Куперен.

А в конце столетия Францию, как известно, постигла революция. Церковь разграбили и продали на слом, надгробие Фламеля купил зеленщик, чтобы резать на нем овощи, однако ломать башню, которая была продана фабриканту охотничьей дробью, революционные власти не позволили, а позднее, после всех бед, в 1836 году, город Париж купил ее, и еще некоторое время производили в ней свинцовую дробь. В 1854 году в городе начались восстановительные работы. Башня являла собой тогда печальное зрелище: сброшены были на землю и гигантская фигура Иакова, и символы четырех евангелистов — орел, лев, телец и человек. Сиротски чернели пустые ниши... Мало-помалу ниши заполнились скульптурами, копиями тех, старых. Внизу был установлен мраморный Паскаль... Какой-то гравер приволок купленное им на толкучке надгробие Никола Фламеля. Нынче в сквере Сен-Жак можно видеть оригиналы былых изуродованных статуй (их отличные копии украшают саму башню), а также новую стелу, увековечившую память бедного поэта Жерара де Нерваля, который неподалеку от этих мест лишил себя жизни: он страдал душевной болезнью и повесился здесь в 1855 году. Похоже, круг завершился — мясники и дубильщики, обкраденные евреи, алхимики, Франциск I, Никола Фламель, паломники на пути в Сен-Жак-де-Компостель, Паскаль, Куперен, революция, Реставрация, де Нерваль, сюрреалисты... Да мало ли о чем еще может напомнить «пламенеющая готика» этой загадочной башни...